

Соколов Александр Борисович

старший преподаватель
кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала
Российской академии правосудия
тел. (961) 587-88-68

**ВЛИЯНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье автор уделяет внимание коммерциализации и скрытой приватизации социальных институтов, от которых зависит психическое, физическое, интеллектуальное развитие российского общества (учреждения образования, здравоохранения и культуры и др.). Недоступность основных социальных институтов представляет собой серьезную угрозу социуму, что непременно приводит к неприятным последствиям: нарастанию конфликта в обществе, уменьшению жизненного ресурса человека, утрате социальных и личностных перспектив.

Ключевые слова:

российское общество, социальные реформы, социальные проблемы, экономика, глобализация, образование, государство, социальная активность.

Sokolov Alexander Borisovich

senior lecturer of the chair of
criminal procedural law,
North-Caucasian affiliate
Russian Academy of Justice
tel. (961) 587-88-68

**INFLUENCE OF
SOCIAL POLICY
ON SOCIAL HEALTH OF
RUSSIAN POPULATION**

The summary:

In article the author pays attention of commercialization and the latent privatization of social institutes on which depends mental, physical, intellectual development of the Russian society (establishment of formation, public health services and culture, etc.). Inaccessibility of the basic social institutes represents serious threat to society that by all means leads to unpleasant consequences: to conflict increase in a society, to reduction of a vital resource of the person, loss of social and personal prospects.

Keywords:

russian society, social reforms, social problems, economy, globalization, formation, state, social activity.

Российская действительность рубежа XX-XXI вв. характеризуется масштабным уходом государства из социальной сферы, что привело к тотальной коммерциализации и скрытой приватизации учреждений образования, здравоохранения и культуры, т.е. тех социальных институтов, от доступности и востребованности которых и зависит социальное здоровье общества. В результате большинство российских граждан в качестве определяющей жизненной стратегии вынуждено избрать так называемую стратегию выживания, а это в свою очередь, безусловно, накладывает отпечаток на уровень их физического, психического и нравственного здоровья и в конечном итоге формирует социальные ориентиры, характерные для самосознания так называемого низшего класса.

Следствием произошедших изменений стало падение качественных характеристик населения по трем основным группам индикаторов: здоровье (физическое, психическое, социальное), интеллектуальный потенциал и профессиональная подготовленность, духовно-нравственные ценности и ориентации.

Совершенно очевидно, что подобные процессы создают все условия для нарастания социального конфликта в российском обществе. Поэтому государственная власть обязана кардинально снижать современные социальные риски, связанные с расширением общественной эксклюзии, проявляющейся в том числе в уменьшении жизненного ресурса человека, недоступности основных социальных институтов и утрате социальных и личностных перспектив.

Между тем ситуативность российской социальной политики уже привела к созданию условий для серьезной имущественной дифференциации и беспрецедентному росту социальных рисков в обществе, не имеющему аналогов в цивилизованном мире. Специфический опыт отечественной истории, однако, напоминает о том, что подобное развитие событий чревато резким возрастанием социальных антагонизмов с перспективой их разрешения революционным путем. К сожалению, приходится констатировать: современный российский социум не имеет ни институциональной, ни экономической, ни духовной прививки от фактора неизбежности российской революции. А по нашей печальной традиции ни одна революция в России не была «бархатной». Неслучайно в своем Послании Федеральному собранию РФ президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «задачи по модернизации образования, здравоохранения должны решаться, но решаться предельно аккуратно. Реорганизация ради реорганизации не должна становиться самоцелью. Главное – это качество услуг, их доступность большинству граждан, их реальное влияние на социально-экономический прогресс в стране».

Необходимо отметить, что многие развитые страны Западной Европы давно уже определили для себя, что в условиях глобализации и перехода к постиндустриальному обществу непереносимым условием устойчивого развития и поддержания стабильности как внутри общества, так и вне его может стать формирование подлинно социального государства с высокой степенью его участия в общественном развитии.

Именно в этом огромная заслуга принадлежит европейской социал-демократии, которая за последние 150 лет выработала мощную теоретическую и практическую базу в обосновании эволюционного пути реформирования социальных противоречий в обществе с рыночной экономикой, демократическими институтами и правовым государством. К глубокому сожалению, поистине титанические усилия российских популяризаторов этих идей, в том числе работающих в академической науке, почему-то не находят горячего отклика в сердцах наших реформаторов из правительства РФ. К счастью, мировая общественная наука состоит не из одних либералов, по прошествии времени социал-реформистские идеи будут востребованы и в России.

Стабильность и экономический рост, высокий уровень занятости и рост благосостояния наблюдались в послевоенные годы прежде всего в тех европейских странах, где экономика была сильно ориентирована на решение социальных проблем. Нельзя добиться роста занятости исключительно снижением налогообложения предприятий и сокращением социальных услуг. Чтобы выросли темпы экономического роста, следует радикально изменить всю финансовую, экономическую и денежную политику. Только в этом случае получатели социальной помощи превратятся в налогоплательщиков и плательщиков взносов на социальное страхование.

Сегодня, в условиях современных глубоких технологических и структурных сдвигов на производстве и в экономике в целом, сопровождающих глобализацию с одной стороны и информатизацию общества с другой, функции социального государства претерпевают серьезные изменения. Помимо компенсаторной функции, а также функций распределения и перераспределения, на первый план выходит инвестиционная функция, обеспечивающая создание предпосылок для модернизации и развития общественной инфраструктуры, образования и науки. Поэтому среди большей части западно-европейской элиты левоцентристского толка возникло и теоретически обосновано понимание того, что социальное государство неизбежно должно стать «государством социальных инвестиций». Это означает, что оно обязано обеспечить для максимально возможного числа тех, кто может и должен трудиться, получение общеобразовательной и профессиональной подготовки, а также предоставить возможность продолжать в течение всей жизни подготовку,

переподготовку и повышение квалификации, чтобы человек максимально быстро адаптировался к постоянно меняющимся требованиям научно-технического прогресса и структурной перестройки.

Все перечисленное составляет канву новой философии западной социал-демократии, которая была окончательно сформулирована и озвучена на XXI и XXII конгрессах Социалистического интернационала, проходивших в 1999 г. в Париже, в 2003 г. в Сан-Паулу, и зафиксирована в итоговых декларациях этих форумов. В них прямо говорится, что будущее общества тесно связано с инвестициями в наиболее ценный ресурс – человеческий капитал с использованием системы образования и здравоохранения.

В новом веке центральным показателем качественного развития общества должен стать не рост доходов на душу населения, а степень развития способностей человека и расширения его свободы в выборе значимых и доброкачественных форм собственной жизни.

В этой связи для решения социальных проблем общества на первый план в современном глобализирующемся мире выдвигается ключевое понятие – образование.

Социальные услуги, предоставляемые государством, по мнению социал-демократов, должны быть эффективными и оцениваться не по тому, насколько они обеспечивают безбедное существование человека, а как они содействуют раскрытию его потенциала и его способности обеспечивать себя самостоятельно, по своему разумению.

Поэтому на первый план в государственной социальной политике выходит не социальное перераспределение, а социальные инвестиции. Это вложения в развитие образования (причем образование должно стать пожизненным), профессионального обучения, совершенствования социальной инфраструктуры. Высококачественное и доступное для всех образование понимается как лучшее средство для роста благосостояния и социальной справедливости в обществе.

Если «примерить» европейский опыт на российские проблемы, то сначала придется признать, что российский вариант социального государства отличается противоречивостью принимаемых социально-экономических решений и вследствие этого проблемностью становления институционализированной социальной политики.

В этой связи достаточно вспомнить социально-экономические реформы первой половины 90-х гг. XX столетия или, например, обстоятельства принятия и введения в действие ставшего нарицательным федерального закона № 122-ФЗ, предусматривающего монетизацию льгот различным категориям граждан России в 2005 г. И в том и в другом случаях идеологи и разработчики объективно необходимых государственных решений проигнорировали социальную составляющую и возможные социальные последствия предлагаемых ими реформ.

Несмотря на то, что по уровню провозглашения социал-реформистских идей (в том числе идеи социального государства) Россия сегодня близка к передовым странам, на практическом уровне формирование социального государства у нас находится еще на самом раннем этапе своего развития.

Дискуссии об объеме полномочий государства в социальной сфере у нас ведутся так же активно, как и в странах Запада. Это отражается и на практике. С одной стороны нужно отметить попытки государства «сбросить» с себя большую часть социальной ответственности (расходов, гарантий, функций, полномочий), но в то же время не может этого сделать, так как пока не в состоянии создать условия для эффективного функционирования полноценных негосударственных социальных институтов. В этом основная проблема и основное противоречие.

Такая ситуация определяет наличие ряда парадоксов. Один из таких парадоксов состоит в том, что в системе государственного управления социальной сферой децентрализация социальных полномочий осуществляется на фоне централизации финансовых потоков. Это сужает ресурсные возможности низовых звеньев по обеспечению и выполнению возложенных на них социальных обязательств.

Другой парадокс заключается в том, что государство пытается переложить основные социальные функции на институт семьи. Однако большинство российских семей оказывается не в состоянии справиться не только с дополнительными социальными обязательствами, но вынуждены сокращать свои обычные социальные потребности. Это приводит к росту социальных патологий, таких как социальное сиротство, безнадзорность, девиация и детская преступность, одиночество и брошенность в пожилом возрасте, суициды, наркотизация и алкоголизация, социальная дезадаптация, деградация и депривация населения.

Вряд ли в этом случае можно говорить о том, что государство заботится о социальном здоровье населения. Скорее наоборот.

Таким образом, сегодня не только можно, но и нужно говорить о создании такого социального проекта российских реформ, который интегрировал бы власть и общество в целях обеспечения достойного уровня жизни населения.

Ключевой политической задачей является установление эффективного взаимодействия между государством, обществом, частными экономическими структурами. Становление устойчивой партийной системы, введение института Общественной палаты Российской Федерации и аналогичных региональных институтов призваны содействовать коммуникации власти и общества, служить теми барьерами, которые стоят на пути дезинтеграции социально-политического пространства России.

В этой связи важно следующее: современное российское государство должно принципиально отказаться как от попыток пролонгирования постсоветских подходов в социально-экономической сфере, так и от опасных либеральных экспериментов и перейти наконец к последовательной, логически завершенной, социально модернизированной политике.

В начале 1970-х гг. по инициативе видных германских социал-демократов В. Брандта и Э. Эпплера в политический и экономический оборот был запущен глубоко обоснованный тезис о том, что современный мир требует от правительств создания современного качества жизни для населения. Без сомнения, этот тезис на практике можно сегодня использовать и в нашем обществе. Но при этом высокое качество жизни россиянина должно предполагать и борьбу с бедностью, и экономический рост с неременной экологической безопасностью, и национальную стратегию обучения в течение всей жизни, т.е. создание общества образования, и безусловно рост занятости, и как следствие улучшение социального самочувствия граждан, возрастание их социальной активности.

Сегодня в нашей стране активно обсуждается вопрос о социальной ответственности бизнеса. Поднимал эту тему в своем последнем Послании Федеральному собранию РФ и президент России В.В. Путин. Речь в данном случае идет не о перекладывании социальной ответственности с государства на частный сектор, а о ее оптимальном распределении наряду с разграничением функций и полномочий между государством и рынком. При этом основная ответственность все равно должна оставаться за государством, так как только оно формирует общую концепцию и основные направления социальной политики, ее стратегию, тактику, обеспечивает законодательную и правовую основу, реализует широкий спектр социальных полномочий по отношению к гражданам.

Многовековая история развитых стран с рыночной системой хозяйства свидетельствует о том, что частные рынки не всегда являются оптимальным механизмом, способным обеспечить успешную реализацию социально значимых целей. Это особенно проявляется в тех сферах хозяйствования, которые в первую очередь ориентированы на производство общественных благ, социальных услуг, на воспроизводство человеческого капитала. Ответственность за функционирование таких социально значимых отраслей ложится на плечи государства.

В последнее время из уст тех, кто по праву считается идеологами ультралиберального направления российской политики, можно услышать один и тот же набор тезисов о том, что доля государственных расходов непомерна велика, что у большинства населения слишком превалирует настроение иждивенчества и завышено правопритязание и т.п. По сути речь идет о выхолащивании либо окончательном изъятии из «политического обращения» в России понятия «социальное государство» и введении в повседневную практику целей и задач либеральной стратегии минимального государства.

В этой связи вопрос: по какому моральному праву государственный и частный топ-менеджмент (хорошо оплачиваемый и имеющий несравненно большие социальные возможности и преференции), а также обслуживающая их политическая элита оспаривают право рядовых граждан на социальную защищенность, а по сути лишают их права даже на равные стартовые возможности?

А ведь это существенный, основной вопрос национальной и политической безопасности в стране, где термин «справедливость» носит отнюдь не понятийный, а базовый, даже национальнообразующий характер!

Более чем 100-летний положительный опыт стран Европы, где правящая социал-демократия смогла выстроить надежный каркас эффективного социального государства, свидетельствует: граждане, у которых есть уверенность в своей социальной защищенности, охотнее поддерживают и политические, и экономические преобразования, способствующие масштабным прогрессивным изменениям в обществе.

В современных условиях инвестиции в человеческий капитал объективно становятся главным источником роста экономики и устойчивого развития общества. Необходимыми для этого ресурсами, в том числе властными, Россия владеет, но определяющим фактором в этом отношении все-таки является политическая воля. В настоящее время сложились политические условия для обдуманного, поступательного и целенаправленного трансформирования основных сфер жизни российского общества и государства в целях не только сохранения российской цивилизации, но и приобретения ею дополнительной динамики развития.

Воспроизводство человеческого капитала происходит в первую очередь в системе образования. Кроме того, образование является тем социальным институтом, который призван обеспечить социальное здоровье нации.

Если судить по количественным показателям, то за последние пятнадцать лет уровень российского образования вырос: увеличилась доля граждан с высшим, средним и среднеспециальным профессиональным образованием, возросло количество учебных заведений, улучшилась образовательная инфраструктура. К началу третьего тысячелетия уровень образования населения в стране достиг рекордных отметок и формально является наиболее высоким в мире. По общей доле лиц с высшим образованием Россия превосходит все развитые страны, а по доле лиц с высшим и послевузовским образованием уступает только США, Норвегии и Нидерландам, причем в ближайшие годы и по этому показателю в соответствии с оптимистическими прогнозами Россия выйдет на первое место в мире.

Однако высокие количественные индикаторы российского образования не отражаются на показателях экономического развития и качества жизни населения. К сожалению, российский институт образования сегодня не выполняет своей основной функции. Он не может массово готовить специалистов, которые были бы востребованы на практике, и это происходит не в силу того, что плохие педагоги, а потому, что государство не может обеспечить его продуктивную образовательную деятельность.

Выпускники вузов часто пополняют армию безработных, впрочем, как и преподаватели многих вузов. Зарботная плата преподавателей не всегда совместима с оплатой, например, коммунальных услуг. Поэтому они вынуждены искать дополнительные источники дохода.

Даже выпускники аспирантуры, защитившие кандидатские диссертации, сегодня с трудом устраиваются на работу в вузы. Этот процесс будет усугубляться тем, что, следуя принципам Болонской конвенции, число преподавателей в вузах, вероятно, будет значительно уменьшено.

Сегодня широко обсуждаются варианты возможных путей развития системы российского образования.

Концепция модернизации образования, разработанная в недрах, близких к российскому правительству центров стратегического планирования, на самом деле представляет собой программу не модернизации, а радикального реформирования без учета и даже в какой-то мере искоренения базовых российских образовательных традиций. Поэтому такая концепция не может в полной мере обеспечить прогресс нашему образованию. Резкое сокращение количества государственных вузов, конкурсное избирательное финансирование, сокращение государственных гарантий бесплатного образования, урезание номенклатуры специальностей – все это разительно отличается от провозглашаемых правительством целей.

Мотивируя коммерциализацию образования необходимостью роста его экономической эффективности, авторы полностью игнорируют как отечественный, так и международный опыт, свидетельствующий о том, что эффективность образования имеет две стороны. В рыночной экономике образование является одновременно как товаром, так и социально значимым для общества фактором, который во многом определяет экономический рост и геополитическое положение страны.

Источником развития и обновления общества, его духовного и социального выздоровления в современных условиях становится продуктивное взаимодействие государства и гражданского общества. Причем задачей государственной власти и ее должностных лиц становится создание благоприятных условий для развития конструктивных элементов и институтов гражданского общества.